

Памятные даты

55 лет Декларации прав человека*

Глен Джонсон

РАЗРАБОТКА ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (1946–1948 гг.)

С июня 1946 г. по декабрь 1948 г., под эгидой недавно созданной Организации Объединенных Наций, усилиями ряда видных деятелей составлялся документ, которому предстояло стать краеугольным камнем в борьбе за права человека. В ходе встреч в Нью-Йорке, Женеве и Париже обсуждались проблемы философии и права, политической стратегии и культурных различий. Остановимся на некоторых значимых вопросах, обсуждаемых в процессе подготовки Всеобщей декларации прав человека.

Фундаментальные различия в области культуры и ценностей

Теория «естественного» права и теория «позитивного» права. В начальный период работы Комиссии четко выявились существенные разногласия. Одним из наиболее насущных являлся вопрос о том, на какой основе могут быть провозглашены права. Западные воззрения на права, присущие человеческой личности, были порождены *традицией «естественного» права*, согласно которой человеческие существа обладают правами, поскольку ими их одарила природа, а по мнению некоторых – божество. Именно к такой философской посылке тяготеет Декларация независимости Соединенных Штатов Америки: люди «наделены Создателем некоторыми неотъемлемыми правами...». Независимо от того, использовалась или нет более открытая религиозная формулировка этой теории, она, тем не менее, означала предположение о том, что *права покоятся на явлении наднационального и сверхчеловеческого характера*. Это воззрение на права человека является плодом теории, разработанной европейскими философами XVIII

* Материал подготовлен по изданию: Всеобщая декларация прав человека. 45-я годовщина – 1948–1993 гг. М., 1994.

века (многократно цитировавшейся в ходе дебатов по Всеобщей декларации), которая вошла в число преобладающих теорий о справедливых основах международного права.

Отличная точка зрения на основу прав возникла в связи с появлением *теории «позитивного» права*, которая утверждает, что только действия и поведение людей и, в более широком плане, государств лежат в основе происхождения прав и определяют права (и, фактически, само право). Эта точка зрения, представляющая собой триумф рационализма, подразумевала, что человеческие существа, как и государства, не подвержены никаким ограничениям сверхчеловеческих законов, но что они добровольно и сознательно делают выбор в пользу *подчинения своего поведения известному самоограничению* в целях обеспечения наилучших возможностей для личного или национального становления. Это впредь позволяло принимать меры как в отношении прав человека, так и в области международного права путем соблюдения ограничений, к которым прибегают государства в своих собственных действиях.

В ходе заседаний Комиссии это фундаментальное различие философского восприятия выявилось при обсуждении вопроса о включении или не включении в Преамбулу упоминания о Боге или природе в качестве источника прав, провозглашаемых в Декларации. Голландцы выступили в качестве защитников этой точки зрения. Они пытались изменить в этом плане проект Декларации во время прений в Третьем комитете. Делегат Нидерландов д-р Й.Х. Ройен выступил перед Генеральной Ассамблеей и выразил сожаление о том, что «божественное происхождение человека и его бессмертное предназначение не были упомянуты в Декларации при том, что источник всех прав заключается в самом Всевышнем, что возлагает огромную ответственность на тех, кто притязает на эти права. Игнорирование этой связи подобно отделению растения от его корней или строительству дома без фундамента». Несмотря на то, что предложение Нидерландов получило определенную поддержку по существу со стороны нескольких европейских стран, другие государства выступили против него: те, кто занимал «позитивистскую» позицию, например, страны, не принадлежащие к западному блоку, которые рассматривали любую ссылку на «естественное» право, как олицетворение культурных ценностей Запада.

Либеральная теория и марксистская теория. Второй источник конфликта – в известных аспектах еще более резкий – противоборство сторонников западного либерализма и представителей марксистских государств, и это касалось как минимум трех аспектов: 1 – философского, 2 – исторического и 3 – практического.

В философском плане марксистская концепция прав базируется на коллективе и предостерегает против того, что она расценивает в качестве отчуждающего и разделяющего индивидуализма, являющегося плодом западного либерализма. Доступ к экономике и к благосостоянию рассматривается в качестве предпосылки эффективного осуществления гражданских и политических прав, что представляет собой обратный порядок приоритетов по сравнению с западным либерализмом. Кроме того, марксисты считают, что права человека могут рассматриваться лишь в рамках потребностей и прав общества. Для них права человека могут существовать только в том

случае, если гарантируются права государства, поскольку именно государства обеспечивают сами права человека. Они считают, что настойчивость Запада в выдвижении на передний план гражданских и политических прав является не чем иным, как защитой «буржуазных» прав, т.е. тех прав, которые, в лучшем случае, отстаиваются господствующим классом и служат ему, и которые, в худшем случае, могут служить инструментом угнетения рабочего класса. Марксисты к тому же полагают, что на государстве как на представителе общества в целом лежит особая ответственность за обеспечение прав человека и экономического благополучия, что противоречит классической либеральной идее, которая рассматривает это как вмешательство, наносящее ущерб свободе.

В историческом плане страны, придерживающиеся идеологии марксизма, утверждали, что они добились такого уровня равенства в доступе к экономическим ресурсам, которого не существует в западных капиталистических обществах, и это представляет для них источник гордости. Они настороженно относились к настойчивым требованиям Запада в отношении гражданских и политических прав, которые они рассматривают в качестве попытки скрыть плохие результаты в области экономического равенства. Однако представители Западной Европы, Соединенных Штатов Америки и Латинской Америки указывали, что отказ предоставить гражданские и политические права в этих странах противоречит их предложениям в отношении Всеобщей декларации.

В практическом плане международных политических отношений эти конфликты философского и исторического порядка стали выдвигаться на передний план в качестве прелюдии холодной войны, которая усиливалась. Западные державы, в частности главные из них, во все большей степени превращали права человека в основное оружие в холодной войне с Советским Союзом, а Советский Союз начал рассматривать дебаты о правах человека в Организации Объединенных Наций, по меньшей мере отчасти, в качестве нападок западных держав.

Это положение вещей яснее, чем когда-либо проявилось в выступлении Элеоноры Рузвельт в Сорбонне в сентябре 1948 г. Выступление г-жи Э. Рузвельт на французском языке в значительной своей части было подготовлено для нее госдепартаментом. Оно привлекло к себе большое внимание в Европе и было охарактеризовано одним из американских комментаторов как «Речь в духе холодной войны, направленная на показ миру того, что не Советский Союз, а Соединенные Штаты являются подлинным образцом прав человека, и что в этом заключается основная суть холодной войны». Дебаты возобновились на Генеральной Ассамблее, где делегаты западных стран, включая Элеонору Рузвельт, осуждали нарушения гражданских и политических прав советских людей, и где советские представители и их союзники не только отстаивали свои достижения в этой области, но и обвиняли Соединенные Штаты Америки и другие западные страны в том, что у них высокий уровень безработицы, неравный доступ к образованию и неудовлетворительный характер отдыха для рабочих, что, по их словам, являлось нарушением права на труд, на образование и на отдых. Представление о характере этих разногласий можно было получить уже на первой сессии Ко-

миссии в январе 1947 г. Комментируя проект, представленный Американской федерацией труда, югославский представитель д-р Рибникар ссылался на тот факт, что новые экономические условия современной эпохи породили новый дух коллективизма, т.е. что социальный идеал или цель заключаются в том, чтобы интересы общества и личности стали идентичными. Шарль Малик и г-жа Сендер, которые представляли Американскую федерацию труда, не замедлили отреагировать на это выступление д-ра Рибникара. Заявив, что такой взгляд представляет собой рецепт для тирании, они отстаивали точку зрения, согласно которой гражданские и политические права должны в своей основе являться личными. Советские представители не были ни убеждены, ни обескуражены. Андрей Вышинский, столкновение которого с Элеонорой Рузвельт по вопросу о беженцах во время первой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций стало почти легендарным, вновь вернулся к этим разногласиям во время прений на Генеральной Ассамблее относительно Всеобщей декларации и заявил, что в рамках советской системы «государство и личность находятся в гармонии и что их интересы совпадают».

В ходе работы Комиссии эти философские, исторические и политические различия вызвали меньше трудностей, нежели можно было ожидать. Советские представители менялись довольно часто, не принимая в полной мере участия в заседаниях и, по-видимому, в целом не придавая важного значения работе Комиссии. Тем не менее они предлагали поправки как общего, так и конкретного характера к различным проектам Декларации. Все рекомендованные ими поправки лишь за некоторыми исключениями были отклонены подавляющим большинством членов Комиссии. К тем же результатам привели и их последующие усилия по отстаиванию своих предложений в Третьем комитете и на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи.

В целом, поправки, предлагавшиеся советскими представителями и их союзниками, были направлены на пропаганду или поддержку определенного круга принципов, связанных с их собственными представлениями и философскими, историческими и политическими воззрениями. Это имело место, например, когда осенью 1948 г. в ходе прений в Третьем комитете по проекту Комиссии г-н Модзелевски, представитель Польши, настойчиво требовал, чтобы в Декларацию были включены следующие принципы:

- 1 – признание политических прав является бесполезным без гарантии экономических и социальных прав;
- 2 – признание прав должно зависеть от выполнения обязанностей;
- 3 – должны быть признаны права всех народов, включая народы, находящиеся под опекой и проживающие на территориях, не имеющих автономии;
- 4 – принятие Декларации не должно повлечь за собой какого-либо вмешательства в дела, которые относятся к внутренней компетенции суверенных государств;
- 5 – свобода слова и выражения убеждений не должна предоставляться фашистам.

Не следует думать, что различие в отношении целесообразности экономических и социальных прав существовало лишь между марксистскими и

западными либеральными обществами. Многие западные социалисты и представители тех стран, которые позднее получили наименование стран третьего мира, также придавали весьма большое значение вопросу о внесении в Декларацию в том или ином виде экономических и социальных прав. В связи с этим многие из них стали придерживаться принципа Франклина Рузвельта – «свобода от нужды». Официальная позиция Соединенных Штатов Америки имела тенденцию к большей консервативности. В соответствии с ней экономические и социальные права должны были служить только формулировке целей и заявлений о намерениях, они были устремлением, но ничего в них не могло рассматриваться как право, требующее принятия правительственных мер. Позиция государств, придерживающихся марксистской идеологии, была наиболее радикальной. Они отдавали приоритет экономическим и социальным правам над гражданскими и политическими правами и ставили права государства на уровень, по крайней мере, соответствующий уровню прав индивидуума. Однако вопрос о важности экономических и социальных прав и вопрос прав и обязанностей государства много раз обсуждались с участием многочисленных представителей в Комиссии по правам человека и в Третьем комитете, что дало возможность обнаружить нюансы и самые разнообразные точки зрения. Эти разногласия позволяли предполагать наличие важных различий в точках зрения, которыми по-прежнему характеризовались обсуждения в течение всего процесса составления двух основных пактов по правам человека и после него.

Западная культура и незападные культуры. Подготовка Всеобщей декларации выявила значительные философские различия в отношении содержания прав человека. Однако можно отметить, что вопросы, которые обсуждались в то время, и точки зрения, которые нашли отражение в окончательном варианте Декларации, касаются главным образом традиционной европейской философской проблематики. Традиция в области естественного права, традиция позитивного права, а также марксистского права – все они прочно уходят корнями в эволюцию европейских философии и права. Неевропейские философские и правовые традиции в том смысле, что они могли бы предложить иные или дополнительные устремления в области прав человека, редко упоминались во время этих дебатов. Даже те члены Комиссии по правам человека, которые представляли неевропейские страны, сами по большей части имели традиционную западную подготовку или же получали ее в учреждениях, созданных представителями колониальных европейских держав в их собственных странах. Хотя иногда и были ссылки на идеи, относящиеся к неевропейским традициям, таким, как конфуцианство или ислам, общая направленность на европейские традиции в подавляющем числе случаев господствовала в ходе обсуждений, которые привели к появлению Всеобщей декларации.

Таким образом, точки зрения стран третьего мира, которые впоследствии стали играть ведущую роль в системе Организации Объединенных Наций, были недостаточно представлены в ходе процесса составления Всеобщей декларации. Конечно, ряд «новых» государств, которые вступили в Организацию Объединенных Наций после принятия Декларации 1948 г., «приняли» эту Декларацию и в большинстве случаев включили ее в форме ссылок в свои собственные конституции. Ряд региональных организаций,

находящихся вне Европы, также включили ссылки на Декларацию во многие резолюции и договоры. Тем не менее остается фактом, что изменение большинства в Организации Объединенных Наций объясняет смещение приоритетов между Всеобщей декларацией и выступлениями, резолюциями и последующими декларациями в области прав человека, где оно, возможно, более заметно, когда речь идет о статьях и текстах, касающихся права собственности.

Обсуждение юридического и морального статуса Декларации в период ее подготовки

Большинство участвовавших в подготовке Всеобщей декларации прав человека, придерживались мнения о том, что она не имела какой-либо юридической основы. Они полагали, что участвовали в разработке чего-то такого, что было предназначено для воздействия на сознание и что, в то же самое время, явилось бы первым шагом на пути к ряду соглашений, которые бы имели силу закона. Хотя Элеонора Рузвельт высказала надежду, что Декларация будет своеобразной «Великой хартией вольностей человечества» — выражение, которое будет часто цитироваться, — она постоянно выступала в поддержку точки зрения Соединенных Штатов, для которых работа, направленная на юридическое обоснование прав человека, должна следовать за провозглашением моральных императивов во Всеобщей декларации. Большая часть других делегатов поддерживала эту точку зрения, и они об этом постоянно говорили во время дискуссии на Комиссии, в Экономическом и Социальном Совете, в Третьем комитете и на Генеральной Ассамблее. И это было не потому, что они не собирались участвовать в мероприятии, которое будет иметь последствия в области международного права. Так же, как и у Элеоноры Рузвельт, у них было действительное намерение, чтобы их усилия привели к появлению формулировок, имеющих силу закона. Тем не менее первоначально Декларация должна была быть простой декларацией принципов, целей и устремлений, а не документом, имеющим обязательный юридический характер. На самом деле текст документа, казалось, развивался в этом направлении, поскольку в нем утверждалось, что Генеральная Ассамблея провозглашает Декларацию в качестве «задачи, к выполнению которой должны стремиться», к которой все люди и все общества будут стараться приблизиться на основе последовательных мер. Такой язык — это скорее язык морального предписания, нежели язык юридического обязательства.

Приоритет морального аспекта над юридическим обязательством смог реализоваться и проявиться в положениях окончательного проекта только лишь благодаря совместным усилиям ряда правительств, которые ограничили, насколько это было возможно, предложения, способствующие тому, чтобы Декларация провозглашала принципы, подлежащие исполнению Организацией Объединенных Наций или в рамках какой-нибудь международной инстанции. Так, например, Дж. Хамфри указал в своей памятной записке Генри Ложье, заместителю Генерального секретаря ООН, и его непосредственному руководителю на то, что идея о том, чтобы Комиссия по

правам человека могла принимать к рассмотрению петиции общего характера, не создавала проблем, однако, с другой стороны, любое предложение, дающее возможность предполагать, что эта Комиссия может рассматривать конкретные жалобы, вызвало бы серьезные проблемы в связи со Статьей 2(7) Устава Организации Объединенных Наций, за исключением тех случаев, когда эти жалобы связаны с чем-то, что могло бы подвергнуть опасности международный мир в соответствии с тем, как это определено Уставом.

Правительство Соединенных Штатов, в частности, хотело избежать любых предложений о том, чтобы Декларация юридически подлежала исполнению на международном уровне. 20 ноября 1947 г. Джеймс П. Хэндрик, заместитель Элеоноры Рузвельт в госдепартаменте, направил ей служебную записку после делового совещания с Робертом А. Ловетт, который в то время исполнял функции государственного секретаря: «Г-н Ловетт сформулировал четкое возражение против последствий, которые вытекали из проекта Декларации в том смысле, что все права, перечисленные в этой Декларации, подлежат немедленному исполнению. У меня была возможность постараться убедить его принять Декларацию в ее нынешней форме, учитывая, что многие над ней работали и что она была одобрена ими, или же постараться принять во внимание его возражения, путем внесения довольно простого изменения в Преамбулу Декларации. Мне показалось, что если он выдвигал это возражение (и многие другие до него это тоже делали), то его точка зрения могла соответствовать точке зрения той интеллектуальной аудитории, интересы которой мы пытались учесть в первую очередь. Помимо этого, мне представлялось желательным добиться с его стороны самой энергичной поддержки. Таким образом я пошел на уступки и предложил, чтобы Преамбула Декларации содержала призыв к членам Организации Объединенных Наций «содействовать» правам, включенным в Декларацию, вместо того, чтобы «обеспечивать их соблюдение».

Я надеюсь, вы согласитесь с тем, что это было наиболее разумным решением; однако я надеюсь также, что если вы не согласны, то обратитесь к Дину Раслу и скажите ему без обиняков то, что вы думаете. Я думаю, что сила ваших аргументов вполне может заставить его изменить решение, которое было принято».

На следующий день Алис М. Мак Диармид, помощник в отделе Международных организаций Государственного департамента, передала Элеоноре Рузвельт инструкцию менее формального характера: «По мнению нынешнего Государственного секретаря, эту декларацию прав человека не следовало бы составлять таким образом, чтобы она создавала впечатление у граждан или правительств о том, что существует договорное обязательство со стороны правительств или Организации Объединенных Наций гарантировать права человека, которые в ней перечисляются. В действительности Декларация предписывает скорее устремления, чем установленные факты».

К этой записке была приложена пересмотренная Декларация, где эта точка зрения была учтена.

Юристы в общем согласились с тем, что Декларация, принятая только Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций без формальной ратификации ее правительствами, не могла создать, как и не могла

определять юридические обязательства. Один из наиболее ярких представителей в области юриспруденции считал, что предполагаемое юридическое несовершенство Декларации давало основания к тому, чтобы ее не принимать во внимание. В своем очень впечатляющем докладе на Конференции Ассоциации международного права, которая проходила в Брюсселе в 1948 г., сэр Герш Лаутерпахт выступил с очень резким обвинением: «Декларация такого характера могла бы иметь моральную ценность, если бы она исходила от органов, функцией которых является распространение идей и формирование общественного мнения, и если бы она появилась из такого источника, то слова «просвещение», «призыв» могли бы быть такими же действительными, как и конкретные действия».

Если эта декларация исходит от правительств, то слова в этом случае всего лишь заменяют действие. Человечество ожидает со стороны правительств не провозглашения идеи прав человека и даже не признания прав человека. Мировое сообщество ожидает от них эффективной защиты прав человека, что предполагает обязательства, а также реальные и обязательные принудительные меры».

Таким образом, в то время большинство наблюдателей – из университетских и дипломатических кругов – разделяли представление о том, что Декларация создавала моральные, но не юридические обязательства. По этой причине, когда Комиссия по правам человека создала три рабочие группы в ходе своего заседания в декабре 1947 г., рабочая группа по принятию мер в своем докладе сделала следующий вывод: «Вопрос мер, которые необходимо принять, больше касается Конвенции, чем Декларации. Она в конечном итоге примет форму «рекомендации» Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и, следовательно, не будет иметь юридически обязательного характера в буквальном смысле слова. Исходя из этого представлялось явно невозможным, чтобы рабочая группа предусматривала меры по исполнению обязательства, которое таковым не является».

Тем не менее остается фактом, что с этого момента некоторые придерживались мнения, что Всеобщая декларация содержала идею юридических последствий, хотя и подразумеваемых, но вполне реального характера. Поэтому не вызывает удивления то, что некоторые латиноамериканские государства, которые безуспешно настаивали на том, чтобы использовать терминологию более обязательного характера, оказались среди тех, кто защищал идею более радикального толкования Декларации.

Представитель Панамы, например, приводил аргументы в пользу того, что Статья 2(7) Устава не препятствовала применению Декларации согласно международному праву. По его мнению, сам Устав Организации Объединенных Наций, определив права человека как сферу международной компетенции и возложив определенные обязательства в области прав человека на Организацию Объединенных Наций, выделил права человека в качестве вопроса международного характера, а не вопроса, относящегося «исключительно к государственной компетенции», как об этом говорится в Уставе. И развивая далее этот аргумент, соглашаясь при этом, что в техническом плане справедливо то, что только конвенция может иметь силу закона, представитель Чили предложил, чтобы любое нарушение Декларации являлось бы нарушением самого Устава Организации Объединенных Наций в том

смысле, что это будет нарушением одного из принципов Организации Объединенных Наций. Он напомнил, что Декларация только провозглашала в четкой форме права, признанные и провозглашенные в Уставе. Согласно этой точке зрения, именно Устав Организации Объединенных Наций придал правам человека международный характер. Декларация была всего лишь разработкой, списком, перечнем прав, предоставляемых международной конвенцией, которой является Устав Организации Объединенных Наций.

Похоже на то, что и другие представители были с этим по крайней мере частично согласны. Граф Картон де Виарт (Бельгия) высказал мнение, что в то время как Декларация имела беспрецедентную моральную ценность, она содержала также «первые опыты этической ценности». Похоже на то, что сам Рене Кассэн не хотел усматривать в Декларации нечто такое, что имело только моральную ценность. Он предложил также, чтобы она имела некоторую юридическую ценность, хотя бы только потому, что была первой декларацией, исходящей от международной группы, имеющей собственную «юридическую компетенцию». Кроме того, в связи с этим он заявил на Генеральной Ассамблее: «Очевидно, что она не является такой значительной, такой обязательной, как могли бы быть юридические обязательства, предписываемые конвенцией. Однако наша Декларация сформулирована в резолюции Ассамблеи, которая имеет юридическую ценность, рекомендации. Она является продолжением Устава, который включил права человека в действующее международное право, права, о которых можно сказать, что они находятся в настоящее время среди тех, которые называют «общие принципы прав», являющихся предметом Статьи 38 Статута Международного суда в Гааге. В связи с этим я не понимаю, как можно думать, что Декларация будет чисто теоретическим документом. Да, я согласен, что в этом документе заложен большой потенциал, он является лишь основой, но он никоим образом не лишает Устав обязательной силы».

В отличие от латиноамериканцев и профессора Кассэна, которые подыскивали соответствующее толкование с тем, чтобы увеличить сферу охвата Декларации, правительство Южно-Африканского Союза считало, что такие толкования были как ошибочными, так и обременительными.

Южно-Африканский Союз регулярно предпринимал попытки ограничить круг прав, провозглашенных в Декларации, настаивая на том, что в Декларацию должны быть включены только те права, которые признаны во всех действующих конституциях и юридических системах. Когда в начале 1948 г. Комиссия по правам человека направила государствам-членам проект Декларации для представления по нему своих замечаний, Южно-Африканский Союз в своем ответе подверг документ резкой критике, утверждая, что он плохо составлен, что в нем отстаиваются некоторые права, которые не являются общепризнанными, что в документ должны быть включены только «основные» права и что эти «основные» права должны быть точно определены. Такая позиция объяснялась главным образом тем значением, которое придавалось Декларации Южно-Африканским Союзом в юридическом и политическом отношениях: «Представляется, что Декларация такого рода, если она будет принята Ассамблеей, не приведет к созданию прав или обязательств, имеющих силу закона. Поэтому не удивительно,

что при ее разработке столь мало внимания уделялось вопросам и конкретным ситуациям или реальному значению основных прав и свобод. Наоборот, Декларация служит постоянным источником прав и обязательств морального порядка и в связи с этим может стать причиной не только возрастания внутренних волнений и беспорядков, но также причиной постоянных волнений и трудностей в рамках Организации Объединенных Наций и ее различных учреждений. Поэтому представляется в высшей степени важным не допустить принятия этого документа, учитывая его абсолютную неприемлемость».

Позиция представителя Южно-Африканского Союза не изменилась и при обсуждении проекта Декларации в Третьем комитете и, судя по всему, именно эти доводы побудили правительство Южно-Африканского Союза воздержаться при голосовании в Третьем комитете и на Генеральной Ассамблее. При обсуждении на Генеральной Ассамблее представитель Южно-Африканского Союза пошел даже еще дальше, увязав позицию латиноамериканских стран с озабоченностью, проявляемой Южно-Африканским Союзом. Если исходить из того, что Декларация характеризовала как имеющие решающее влияние основные права и свободы, которые провозглашены, но не определены в Уставе, то государства, которые голосовали бы за эту Декларацию, «были связаны таким же образом, как если бы они подписали конвенцию, провозглашающую эти принципы».

Что касается профессора Дж. Хамфри, то он занял промежуточную позицию. Выражая согласие с тем, что точка зрения, согласно которой какая-либо резолюция Генеральной Ассамблеи не может сама по себе, строго говоря, создавать обязательства, имеющие силу закона, является справедливой, он в то же время считал, что Декларация обладает значительным юридическим потенциалом и что некоторые правительства, например Соединенных Штатов Америки и других стран, которые каждый раз, когда представлялся случай, настаивали на юридически необязательном характере Декларации, с одной стороны преувеличивали, а с другой – оказывали плохую услугу делу прав человека.

Всеобщая декларация прав человека принята

на 183-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, Пале де Шайо, Париж, 10 декабря 1948 г.

Результаты голосования: 48 – за, 0 – против, 8 – воздержались.

Голосовали за: Австралия, Аргентина, Афганистан, Бельгия, Бирма, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Греция, Дания, Доминиканская Республика, Египет, Индия, Ирак, Иран, Исландия, Канада, Китай, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Либерия, Ливан, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Никарагуа, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Сиам, Сирия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Турция, Уругвай, Филиппины, Франция, Чили, Швеция, Эквадор, Эфиопия.

Воздержались: Белорусская ССР, Польша, Саудовская Аравия, Союз Советских Социалистических Республик, Украинская ССР, Чехословакия, Югославия, Южно-Африканский Союз.

Отсутствовали: Гондурас, Йемен.

14 декабря 1948 г. Рене Кассэн изложил принципы Декларации в статье, опубликованной в газете «Монд».

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Пreamбула

Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира; и

принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей; и

принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения; и

принимая во внимание, что необходимо содействовать развитию дружественных отношений между народами; и

принимая во внимание, что народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин и решили содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе; и

принимая во внимание, что государства-члены обязались содействовать, в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, всеобщему уважению и соблюдению прав человека к основным свободам; и

принимая во внимание, что всеобщее понимание характера этих прав и свобод имеет огромное значение для полного выполнения этого обязательства,
ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ провозглашает

настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств — членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией.

Статья 1

Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.